

*Для тех,
кого можно заставить поклониться,
но нельзя сломить*

Глава 1

НЕТ ИНОГО ВЫБОРА, КРОМЕ СМЕРТИ

— Корэйн —

Голос казался далеким и затихающим, он будто отражался от стен длинного коридора, слова были едва различимыми, но вибрировали внутри Корэйн, порождая разные чувства. Ее собственное сердцебиение вторило этому ужасному голосу. Корэйн не слышала ни единого знакомого слова, но все же ощущала исходивший от них гнев.

Его гнев.

Пелена затмила разум Корэйн, и она гадала, что именно это было, смерть или же очередной сон.

Рев Того, Кто Ждет упорно, взывал к ней во тьме, даже когда теплые руки тянули ее обратно к свету.

Часто моргая и хватая ртом воздух, Корэйн села и начала беспокойно оглядываться. Она обнаружила, что находится в воде, которая доходит ей до груди. Вода подернулась рябью — грязное зеркало, отражающее город-оазис.

Когда-то усеянный пальмами и прохладной тенью Нэзрай был поистине прекрасным местом, песчаные дюны которого золотой полосой тянулись вдоль горизонта. Королевство Айбал простиралось во всех направлениях, с красными скалами Марджеджа на юге, и волнами залива Алджер и Долгим морем на севере. Нэзрай был городом паломников, построенным вокруг священных вод и храма Лашрин, крыши расположенных в нем белых зданий покрывала зеленая черепица, а улицы казались достаточно широкими для прохода караванов.

Теперь эти улицы были усеяны трупами, свернувшись телами змей и ранеными солдатами. Корэйн подавила тошноту и продолжила смотреть по сторонам, разглядывая руины. Она искала Веретено, золотую нить, извергающую поток воды и монстров.

Но на том месте не было ничего. Даже эха.

Никаких воспоминаний о том, что существовало мгновением раньше. В память о кракене остались лишь сломанные колонны и разрушенная дамба. И, насколько поняла Корэйн, окровавленные остатки щупальца, аккуратно отрезанного у монстра тогда, когда его загнали обратно в его собственное царство. Оно лежало среди луж, похожее на поваленное старое дерево.

Борясь с тошнотой, Корэйн с трудом сглотнула. У воды был привкус гнили, смерти и Веретена, ныне исчезнувшего, если не считать затихающего эха, похожего на звон в ушах. А еще она почувствовала привкус крови. То была кровь галлийских солдат, а также морских змей из другого царства. И, конечно же, ее собственная. Крови было так много, что Корэйн казалось, она может в ней утонуть.

«Но я дочь пирата», — подумала она, ощущая, как колотится сердце. Она представила, как ее мать, загорелая и красивая Мелиза ан-Амарат, усмехнулась.

«Мы не тонем».

— Корэйн... — удивительно нежно произнес мужской голос.

Она подняла глаза и увидела, что над ней стоит Эндри. Его туника и знакомая синяя звезда были испачканы кровью.

Ощувив приступ паники, Корэйн принялась осматривать лицо и конечности оруженосца, ища следы какой-нибудь ужасной раны. Она помнила, как упорно сражался Эндри, такой же рыцарь, как и любой из убитых им солдат. Спустя мгновение стало ясно, что кровь принадлежит не ему. Вздохнув, Корэйн почувствовала, как напряжение спало с ее плеч.

— Корэйн, — снова позвал Эндри, коснувшись ее руки.

Не раздумывая, она крепче сжала его пальцы и заставила себя встать на дрожащие ноги. Глаза оруженосца светились беспокойством.

— Со мной все хорошо, — выдохнула Корэйн, чувствуя себя совершенно иначе.

Даже когда ей удалось обрести равновесие, мысли все равно продолжали кружиться, последние несколько мгновений всплыли в ее памяти. «Веретено, змеи, кракен. Заклинание Вальтик, гнев Дома. Моя собственная кровь на острие меча». Пытаясь сосредоточиться, Корэйн сделала еще один глоток воздуха.

Эндри по-прежнему касался ее плеча, готовый подхватить девушку, если она упадет.

Но Корэйн и не думала падать.

Она выпрямилась. Ее взгляд метнулся к Веретенному клинку, на полфута погруженному в грязную воду, сейчас он отражал тени и солнечный свет. Вода касалась оружия, и казалось, что сталь танцует. Выгравированные на металле слова на древнем языке давно утраченного королевства тянулись по всей длине меча. Корэйн не могла прочесть ни единой буквы, произнести ни одного слова. Как и всегда, их смысл оставался непонятен ей.

Затем она погрузила руку в воду и сжала рукоять Веретенного клинка. Меч взлетел вверх, холодный и мокрый. Сердце Корэйн дрогнуло. На мече больше не было крови. Но она все еще видела их. Кракена, змей. И галлийских солдат, погибших от ее собственной руки. Жизни смертных оборвались, разрубленные пополам, словно Веретено.

Корэйн старалась не думать о людях, которых убила. Однако их лица все равно всплывали в ее памяти.

— Сколько? — спросила она, ее голос затих. Вряд ли стоило ожидать, что Эндри поймет ее хаотичные мысли.

И все же на лице оруженосца отразилась боль, которую она безошибочно узнала. Он посмотрел ей за спину, на тела в зеленом и золотом. Затем закрыл глаза и склонил голову, пряча лицо от палящего солнца.

— Не знаю, — ответил он. — Я не стану считать.

«Никогда раньше не видела, как разбивается сердце, — подумала Корэйн, наблюдая за Эндри Трелландом. На нем не было никаких видимых ран, но она знала, что внутри он истекает кровью. Когда-то он был оруженосцем Галланда и мечтал стать рыцарем. — А теперь стал убийцей, убийцей собственных мечтаний».

На этот раз у Корэйн ан-Амарат не нашлось слов, и она отвернулась, желая остаться наедине с собой.

Ее взгляд скользил по окрестностям, отмечая разрушения, веером расходящиеся от центра города. После битвы в оазисе стало до жути тихо. Корэйн думала, что останется какое-то эхо, крик кракена или шипение змеи.

Она слышала старую ведьму Вальтик, когда та вприпрыжку, словно ребенок, гуляла по каменным руинам, напевая что-то себе под нос. Корэйн наблюдала, как старушка несколько раз наклонилась, забирая клыки у ныне мертвых змей. В ее длинные седые волосы уже было вплетено несколько зубов. Она снова была самой собой, просто старой, странной, сбивающей с толку женщиной, бесцельно слоняющейся по округе. Но Корэйн знала правду. Всего несколько мгновений назад джиддийская ведьма с помощью рифм оттеснила кракена, расчистив путь для Корэйн и Веретенного клинка. Вальтик обладала невиданной силой, но, если и знала об этом или хотя бы помнила, все равно не подавала виду.

В любом случае, Корэйн была рада, что она рядом.

Восходящее все выше солнца Айбала опаляло спину Корэйн, но, когда на девушку внезапно упала тень, она ощутила холод.

Корэйн подняла глаза, ее лицо вытянулось.

Тело и лицо Домакриана, бессмертного принца Айоны, покрывали свежие пятна крови. Его некогда изысканная туника и плащ теперь были порваны и испачканы. Бледная кожа стала рыжеватой, а светлые волосы полыхали огнем. Лишь его взгляд оставался ясным, зеленые изумрудные глаза горели, как солнце над ним. Двуручный меч почти выпал из его кулака, грозя упасть на землю.

Он тяжело вздохнул.

— Корэйн, с тобой все в порядке? — спросил Дом скрипучим голосом.

Вместо ответа Корэйн сама задала вопрос:

— А с тобой?

Древний нахмурился.

— Мне надо привести себя в порядок, — пробормотал он, наклоняясь ниже. Стоило ему коснуться воды, как по ней пошли красные круги.

«Для этого потребуетея нечто большее, — хотелось сказать Корэйн. — Всем нам. От всех нас».

Девушка вздрогнула, внезапно ощутив панику. Ее сердце сжалось, пока она лихорадочно осматривала город, ища взглядом остальных Соратников. «Чарли, Сигилла, Сораса. — Корэйн не видела их, не слышала их голоса, и ледяной страх сковал ее тело. — Многие умерли сегодня. О боги, пусть они окажутся в числе выживших». Какими бы серьезными она ни считала собственные преступления, их жизни были гораздо важнее.

Не успела Корэйн прокричать их имена, как послышался стон мужчины.

Она обернулась на звук, Эндри и Дом обступили ее, словно стражники.

Увидев галлийского солдата, Корэйн с облегчением выдохнула.

Раненый воин полз по воде, которая теперь непреклонно впитывалась в песок. Зеленый плащ давил на него, замедляя продвижение вперед, но мужчина все равно пытался цепляться за грязь. С его губ капала кровь, и вместо слов слышался лишь булькающий звук.

«Лашрин придет за ним, — подумала Корэйн, имея в виду богиню смерти. — И не она единственная».

Сораса Сарн вышла из тени, грациозная, будто танцовщица, и сосредоточенная, словно готовый к атаке

сокол. Она была не так сильно испачкана кровью, как Дом, но с ее покрытых татуировками рук и бронзового кинжала стекали багровые капли. Ее глаза были прикованы к спине солдата, и она, не колеблясь, направилась к нему.

— Сигилла, ты как? — спросила она, обращаясь к охотнице за головами. А затем совершенно непринужденно продолжила двигаться к умирающему мужчине через центр города.

С соседней крыши послышался веселый хохот и топот ног. А потом появилась широкоплечая Сигилла, она боролась с галлийским солдатом в сломанных доспехах.

— Железные кости бойцов Бессчетного войска никогда не будут сломлены, — рассмеялась она, отражая атаку соперника. Нож упал, и она закинула солдата на плечо. В знак протеста галлиец завыл и застучал кулаками по кожаным доспехам темурийки. — Не могу сказать того же о тебе.

Он падал недолго, всего два этажа, но воды было очень мало. Послышался хруст, возвещавший о том, что солдат сломал себе шею.

Корэйн даже не дрогнула. Сегодня она видала и худшее. Пытаясь успокоить нервы, она лишь медленно сделала вдох.

Словно явившись на зов, на улицу вышел Чарли. Он взглянул на тело, но на его лице не отразилось ни единой эмоции.

— Сын Галланда, сын войны, ступай в руки могущественного Сайрека, — склонившись над телом, произнес падший жрец.

Он провел черными от чернил пальцами по воде, коснувшись широко открытых глаз солдата.

Корэйн поняла, что Чарли устроил галлийцу настолько религиозные похороны, насколько позволяли возможности.

Когда жрец снова встал, его бледное лицо не выражало ни единой эмоции, длинные волосы свисали, свободные от привычной для него косы.

«Живой. Все они».

«Все мы».

Корэйн почувствовала облегчение, которое быстро сменилось усталостью. Она пошатнулась, ощутив слабость в коленях.

Эндри бросился к ней и положил руки ей на плечи.

— Все хорошо, — тихо сказал он.

Его прикосновение было подобно удару молнии и дарило противоречивые ощущения. Корэйн отпрянула и покачала головой.

— Я не стану оплакивать их, — резко пробормотала она. — Не стану жалеть людей, которые хотели убить нас. И ты тоже не должен скорбеть по ним.

Оруженосец нахмурился и поджал губы. Корэйн никогда не видела, чтобы Эндри Трелланд злился, не так, как сейчас. Даже едва заметная, его реакция все равно причиняла острую боль.

— Корэйн, я не могу, — выпалил он, отворачиваясь.

Девушка проследила за его взглядом, и краска стыда залила ее щеки. Эндри смотрел на Чарли, который теперь двигался вперед, прокладывая себе путь среди мертвых и благословляя падших галлийцев. Затем он заметил ползущего по грязи солдата.

Амхара все еще преследовала его.

— Сораса, черт бы тебя побрал, прояви милосердие, — рявкнул оруженосец. — Оставь его в покое.

Убийца не отвела взгляд. Благодаря своему огромному опыту она знала — нельзя упускать из виду врага, пусть и серьезно раненного.

— Ты, Трелланд, можешь делать, что пожелаешь. Не стану тебя останавливать.

Эндри вскинул подбородок, обнажая смуглую кожу, ранее скрытую воротом туники. Его пальцы коснулись прикрепленного к бедру меча.

— Не надо, — сказала Корэйн, хватая его за бицепс. Плоть под ее пальцами казалась твердой и тугой, словно джутовая веревка. — Не стоит проявлять милосердие к этому человеку, если так ты потеряешь еще одну частичку своей души.

Эндри промолчал, но нахмурился. Затем, осторожно отодвинув Корэйн, он достал свой меч.

— Эндри... — начала она, придвигаясь ближе, чтобы остановить его.

Внезапно по воде пробежала рябь, покрытое чешуей извивающееся существо двигалось под гладкой поверхностью.

Корэйн замерла на месте, ее сердце бешено колотилось.

Змей, пусть один, но все еще смертельно опасный.

Сораса резко остановилась, перестав красться к своей цели. Глядя на происходящее тигровыми глазами, она следила за тем, как монстр открыл пасть и втянул голову солдата внутрь. От увиденного Корэйн невольно ощутила мрачное очарование, ее рот слегка приоткрылся, пока она наблюдала за тем, как змей убивает солдата.

Но именно Дом покончил с ними обоими, двуручным мечом рассекая кожу и чешую.